

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926

EDN: DTWNOZ

Научная статья / Research article

Терминологические ловушки для российских ученых-билингвов

Чимиза К. Ламажаа

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, Российская Федерация;
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
✉ lamazhaa@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено проблеме терминологических ловушек, в которые попадают российские ученые-билингвы, работающие в сфере лингвокультурологии и других гуманитарных дисциплин. Рассмотрена ситуация, когда исследователи, владеющие как минимум двумя языками — родным (язык своей этнической культуры) и русским (государственный и профессиональный язык науки), анализируют и описывают лингвокультурные феномены преимущественно на русском языке. В результате возникает риск подмены терминологии и искажения понимания концептов культуры, поскольку исходные категории описываются средствами другого языка, что приводит к отрицательной языковой интерференции и потере аутентичности изучаемого объекта. Подчеркивается, что данная проблема приобретает особую актуальность для российских регионов, где значительная часть научного сообщества представлена билингвами. Проанализированы причины возникновения терминологических ловушек, среди которых — сложившаяся практика научной коммуникации преимущественно на русском языке, ограниченная рефлексия по поводу языковых и когнитивных особенностей билингвизма, а также недостаток внимания к социокультурным факторам организации науки в регионах. Отмечено, что подобные процессы наблюдаются не только в устных обсуждениях, но и в научных публикациях, включая статьи, монографии и диссертации. Автором произведен обзор научной литературы по проблемам билингвизма, интерференции и особенностям российской науки. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к анализу ситуации. Рассмотрена историческая динамика языковой политики в СССР и России, а также изменение роли национальных языков в научной коммуникации. Особое внимание уделено специфике работы ученых-гуманитариев в национальных научных центрах и трудностям, с которыми они сталкиваются при изучении и описании собственной культуры на профессиональном языке, отличном от родного. Проблема терминологических ловушек выходит за рамки одной научной дисциплины и требует междисциплинарного подхода, объединяющего лингвокультурологию, социолингвистику, когнитивную лингвистику, социологию и психологию. Сделан акцент на необходимости дальнейшего изучения когнитивных и социокультурных аспектов билингвизма в российской науке и призывает к более глубокой рефлексии по поводу языковых и терминологических рисков, возникающих у ученых-билингвов.

Ключевые слова: концепт культуры, лингвокультурология, билингвальность, билингв, ученый-билингв, российская наука, региональная наука, интерференция, терминология, экстралингвистический фактор

© Ламажаа Ч.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 30.06.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: *Ламажая Ч.К.* Терминологические ловушки для российских ученых-билингвов // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 901–926. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926>

Terminological Traps for Russian Bilingual Scientists

Chimiza K. Lamazhaa

Kabardino-Balkarian State University, *Nalchik, Russian Federation*;
Al-Farabi Kazakh National University, *Almaty, Republic of Kazakhstan*
✉ lamazhaa@gmail.com

Abstract. This study addresses the issue of terminological pitfalls encountered by Russian bilingual scholars working in the field of linguoculturology and other humanities disciplines. The author examines the situation in which researchers proficient in at least two languages — their native tongue (the language of their ethnic culture) and Russian (the state and professional language of science) — analyze and describe linguocultural phenomena primarily in Russian. As a result, there is a risk of terminological substitution and a distortion in the understanding of cultural concepts, since the original categories are described using the resources of another language. This leads to negative linguistic interference and a loss of authenticity in the object under study. The article emphasizes that this problem is particularly relevant in Russian regions, where a significant proportion of the scientific community consists of bilinguals. The author analyzes the causes of terminological pitfalls, including the established practice of scientific communication predominantly in Russian, limited reflection on the linguistic and cognitive characteristics of bilingualism, and insufficient attention to sociocultural factors in the organization of science in regional contexts. The author also notes that such processes are observed not only in oral discussions but also in scientific publications, including articles, monographs, and dissertations. The article provides a review of scholarly literature on the problems of bilingualism, interference, and the specifics of Russian science, highlighting the need for a comprehensive approach to analyzing the situation. The historical dynamics of language policy in the USSR and Russia are considered, as well as changes in the role of national languages in scientific communication. Special attention is paid to the specifics of working as a humanities scholar in national research centers and the difficulties encountered when studying and describing one's own culture in a professional language different from one's native tongue. The problem of terminological pitfalls extends beyond a single scientific discipline and requires an interdisciplinary approach integrating linguoculturology, sociolinguistics, cognitive linguistics, sociology, and psychology. The article stresses the necessity of further research into the cognitive and sociocultural aspects of bilingualism in Russian science and calls for deeper reflection on the linguistic and terminological risks faced by bilingual scholars.

Key words: cultural concept, linguoculturology, bilingualism; bilingual, bilingual scholar, Russian science, regional science, interference, terminology, extralinguistic factor

Article history: received 30.06.2025; accepted 10.10.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Funding. The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU “Within the Priority 2030 program” (Agreement no. 43).

For citation: Lamazhaa, Ch.K. 2025. “Terminological Traps for Russian Bilingual Scientists.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 901–926. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926>

Введение

С недавних пор одним из моих первых вопросов для филологов, работающих в национальных регионах России, которые занимаются лингвокультурологическими исследованиями, стал вопрос: «Как вы считаете, есть ли в ваших родных культурах концепты „долг“, „честь“, „благородство“?» В частности, такой «провокационный» вопрос я озвучила коллегам на семинаре в одном из региональных вузов страны весной 2025 г. Собеседники удивились и дружно закивали: разумеется, есть. И были обескуражены моей следующей фразой: «Сожалею, но точно нет». Поток возмущенных возражений был сразу же остановлен пояснением: «Когда мы говорим о концептах культур, то мы их подразумеваем в терминах языка культуры. Произнесенные мною названия концептов „долг“, „честь“, „благородство“ — относятся к русской лингвокультуре, поскольку являются терминами русского языка. Но категории долга, чести и благородства, переданные соответствующими лексемами и уже в этом качестве понимаемые как концепты, можно рассматривать, конечно же, в любой культуре, в том числе и ваших». Коллеги со мной тут же согласились, вспоминая определения концепта как особой языковой единицы ментальности [1; 2 и др.].

В российском гуманитарном знании развилась одна важнейшая проблема, не решаемая и даже не рефлекслируемая — искажение понимания концептов культур, которые должны рассматриваться в терминологии языка культуры. Причем проблема эта комплексная.

В российской науке есть существенная часть ученых, которые являются билингвами — людьми, владеющими одновременно двумя языками и попеременно использующими их в зависимости от условий речевого общения [3. С. 4]. Это представители многочисленных этносов, которых в России насчитывается более 190. В их арсенале есть как минимум один язык своей этнической культуры и другой язык — русский, государственный. А.А. Бурыкин, характеризуя российское двуязычие, считает его исключительно привилегией тех, для кого русский язык не является родным [4]. При этом в качестве языка профессиональной — научной — деятельности, безусловно, все ученые России (и не только России, но и существенной части постсоветского пространства) используют русский язык. Но, как мы знаем, порядок языков доминирования, степень владения языками у билингвов могут быть разными, в зависимости от функциональной мощности. Это обстоятельство может быть несущественным для естественных наук, для ряда социальных наук, но в

гуманитарных науках оно приводит к ловушкам, в которые попадают ученые-билингвы.

Они не просто занимаются научной исследовательской деятельностью на общепринятом языке науки страны — на русском языке, но при этом на нем же исследуют, обсуждают, пишут, а также часто и осмысливают культурные феномены, прежде всего родной язык, родную лингвокультуру. А.А. Бурыкин рассматривает диверсификацию функций родного и русского языков [5. С. 34]. Если взять ученого-билингва, доминирующим языком¹ у которого является язык своей культуры (карачаево-балкарский, кабардино-черкесский, татарский, башкирский, якутский, тувинский и пр.) и который находится в своем культурном окружении, в регионе, где живет основная часть его этноса, то его схемы переключения с языка ежедневного общения на язык профессиональной деятельности, когда он обращается к тому, чтобы анализировать первый упоминаемый язык, но при этом описывает свою работу языковыми средствами второго «профессионального» языка, в общей сложности напоминают *ленту (петлю) Мебиуса*. Находясь в постоянном движении по ее траектории, ученый-билингв нередко попадает в терминологические, лексические ловушки, даже не осознавая их, когда *он начинает трактовать изучаемую лингвокультуру только языковыми средствами «профессионального» языка, фактически заменяя ее терминологию* (то, что называется отрицательной языковой интерференцией), *а значит, и теряя сам объект изучения*.

Замена терминологии присутствует не только в устных обсуждениях, как в приведенном ранее примере, но и в научных публикациях: статьях, монографиях, диссертационных работах.

Можно ли сказать, что тем самым ученые-билингвы демонстрируют нарастающий русскоязычный монолингвизм, который наблюдается в региональных обществах [5–7], или речь может идти о дисциплинарных слабостях лингвокультурологии [8]? А может ответ находится в еще более сложной плоскости когнитивных особенностей билингвов?

Не претендуя в рамках одной статьи на полное раскрытие всех аспектов, в настоящей статье я сформулирую саму проблему *терминологических ловушек*, в которые попадают российские ученые-билингвы, работающие в русле лингвокультурологического направления, однако далеко не всегда позиционирующие себя лингвокультурологами. При этом очевидно, что начинать анализ следует с социокультурных факторов образования этой ситуации.

Соответственно разберем несколько задач: во-первых, выполним небольшой обзор научной литературы в данном исследовательском поле, показывая необходимость комплексного анализа; во-вторых, я рассмотрю общие особен-

¹ Я не буду утверждать о родном языке, как вышеупомянутый А.А. Бурыкин, поскольку в исследованиях билингвальности корректнее использовать другие термины, напр., доминирующий язык и пр.

ности работы ученых в условиях российской науки; в-третьих, обсудим тему этнического состава ученых-гуманитариев в региональных научных центрах; и наконец, в-четвертых, разберем сами терминологические ловушки.

Несмотря на то что в центре нашего внимания работы лингвокультурологии (к которой относятся исследования концептов культур), тем не менее проблема, как уже было сказано, не относится к полю только одной научной дисциплины. Поэтому источниковой базой исследования выступают научные труды в области лингвокультурологии, но при этом нам необходимо учитывать и использовать результаты работ в смежных областях: социолингвистике, когнитивной лингвистике, социологии, философии науки, истории науки, психологии. Помимо этого я опираюсь на многолетние авторские наблюдения за организационными особенностями работы российской науки.

Подчеркнем, что наш главный интерес связан не с проблемой чистоты отдельно взятой научной дисциплины, а с проблемой, которая ярче всего проявилась в лингвокультурологии, однако имеет более широкий характер и отражается на всей гуманитарной области знаний.

Обзор литературы

Научные исследования, в которых рассматриваются вышеупомянутые аспекты проблемы и которые являются важными для данного исследования, можно разделить на несколько групп.

Одна группа работ в целом связана с общей темой билингвильности, полилингвизма. При этом следует понимать, что это очень обширный круг исследований на стыке с педагогикой, вопросами образования, социолингвистикой, когнитивной лингвистикой и психологией. Чаще всего в поле исследовательских интересов коллег попадают вопросы преимущества билингвизма детей для когнитивных процессов, проблемы обучения билингвов, когнитивные особенности билингвильности. В этом случае для меня интересны прежде всего социолингвистические работы, в которых обсуждается инационально-русское двуязычие в советском обществе [9; 3; 10; и др.²], в российском [11; 4; 12; 13–15; и др.³].

Феномен билингвильной творческой личности в условиях российского двуязычия отдельно был проанализирован У.М. Бахтикиреевой [16], в связи с

² В том числе диссертацию: Губогло М.Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР : дис. ... д-ра ист. н. Москва, 1984.

³ В том числе диссертации: Литвиненко Е. Ю. Современный билингвизм: проблемы институционализации: дис. ... канд. соц. н. Ростов-на-Дону, 1997; *Дианова Л.П.* Русский язык в речевой культуре билингвов : дис. ... канд. филол. н. Москва, 2011; *Истомина О.Б.* Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы. Тенденции (региональный аспект) : дис. ... д-ра филос. н. Улан-Удэ, 2013; *Щеглова И.В.* Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингвов: характеристики, типы, тенденции: дис. ... д-ра филол. н. Астрахань, 2019.

чем ее результаты очень интересны для понимания работы ученых, также творческих личностей.

На этом же обширном поле нам надо учитывать исследования билингвизма и интерференции, в том числе отрицательных проявлений [17; 18 и др.].

Вторая группа работ содержит информацию в целом об особенностях организации российской науки, в том числе той ее части, которая определяется как региональная, точнее наука в национальных регионах страны. Как я уже констатировала⁴, этот аспект институционального состояния науки страны мало исследован, тем не менее отдельные публикации можно найти⁵. В том числе я также рассматривала асимметричное строение российской науки, разбирая особенности работы региональных научных центров и их коллективов⁶.

Третья группа работ, которая, безусловно, и оказалась в центре нашего внимания — лингвокультурологические, культурологические, филологические исследования, в том числе посвященные языкам и культурам народов России. Отчасти публикации рассматриваются мною как материал для анализа, как источники исследования (и соответственно будут упоминаться в определенном разделе обсуждения результатов). Тем не менее теоретические исследования особенностей самой научной дисциплины лингвокультурологии важны для соотнесения прикладных исследований и теоретических построений [19–21].

Таким образом, данное исследование опирается на достаточно широкий круг научных дискуссий сразу в нескольких полях. Несмотря на их наличие, тем не менее проблемы работы российских ученых-билингвов в области гуманитарных наук, точнее в области изучения культуры через язык, поднимаются впервые.

Особенности билингвизма советской — российской науки

Одна из важнейших организационных характеристик науки СССР — национально-русское двуязычие — сформировалась, как пишет Л. Грэхэм, еще к 1960-м гг. [22. С. 197].

⁴ Lamazhaa Ch. Russian Regional Science in an Asymmetric System // The Russia Program. URL: https://therussiaprogram.org/regional_science (дата обращения: 28.05.2025).

⁵ См.: Тимофеева А.В. Территориальная организация российской науки: факторы, особенности, тенденции: дис. ... канд. геогр. н. Ростов-на-Дону, 2003; Леонов А.К. Региональные особенности современной российской науки как социального института: дис. ... канд. соц. наук. Благовещенск, 2015. Также важно учитывать мнения ученых, высказываемые в СМИ, напр.: Наука распределения. Почему в России разваливается институт региональной науки и с чем связан отток ученых из регионов в крупные города? // ОТП. URL: https://therussiaprogram.org/regional_science (дата обращения: 28.05.2025).

⁶ Lamazhaa Ch. Russian Regional Science in an Asymmetric System // The Russia Program. URL: https://therussiaprogram.org/regional_science (accessed: 28.05.2025).

Как характеризовала соотношение языков в стране У.М. Бахтикиреева, «русский язык перестал совпадать только с русской языковой культурой как в „геополитическом“, так и „культурно-духовном пространстве“» [16. С. 12; в источнике фраза была выделена жирным шрифтом. — *Авт.*).

Очевидно, что со временем очередность языков поменялась на русско-национальное двуязычие, а затем тема билингвизма пошла двумя разными путями — «внутренним» и «внешним».

Как это произошло?

Учитывая то, что советская наука в целом отличалась необычайно большой ролью центрального правительства, унаследованной, в свою очередь, от царского предшественника [22. С. 197], формированию двуязычия способствовал общий социальный фон как результат государственной политики образования. Огромному мультикультурному государству требовался язык межнационального общения и естественным образом им стал русский язык [9. С. 118–134]. Посредством русского языка народы страны, как писали социолингвисты Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко, могли в том числе знакомиться с культурой, литературой и наукой друг друга [Там же. С. 119]. Со второй половины 1950-х гг., упоминают авторы, народности «сами убедились в том, что дальнейшее успешное и всестороннее развитие возможно лишь посредством русского языка, поскольку получение ими среднего общего и специального, а также высшего образования связано со знанием русского языка. В то же время для овладения высшими достижениями современной науки, техники, культуры, литературы и искусства они должны в совершенстве владеть русским языком, на котором существует литература по всем областям знания» [Там же. С. 121]. Еще в 1970-х гг. академик Л.В. Щерба писал: «... грамматики разных национальных языков в пределах Союза [СССР] должны прежде всего сбросить с себя иго русской грамматики. ...Каждый язык должно рассматривать как нечто вполне самодовлеющее, и лишь затем в целях методических, для облегчения взаимного обучения можно проводить сравнение двух языковых систем» [50. С. 318].

В 1970 г., по подсчетам этнолога М.Н. Губогло, русским языком свободно владело три четверти всего населения СССР, а в 1979 г. — уже четыре пятых, в том числе среди нерусского населения соответственно — почти половина и без малого две трети⁷. При этом позиции национальных языков не подвергались существенным изменениям в тот период: в 1959 г. язык своего этноса признали своим родным языком 94,3 % всего населения страны, в 1970 г. — 93,9 %, в 1979 г. — 93,1 %⁸.

⁷ Губогло М.Н. Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1984. С. 5.

⁸ Там же. С. 5–6.

Тем самым советское общество достаточно быстро стало двуязычным [9, С. 218–219], хотя в ряде районов также развивалось и многоязычие. Советские социолингвисты подчеркивали, что в свете классификации типов двуязычия наиболее распространенными в стране были контактные типы (в условиях совместной повседневной жизни народов) и их разновидности [Там же. С. 221–222]. Важнейшим типом двуязычия у интеллигенции национальных территорий они называют одностороннее двуязычие, когда люди наряду со своим родным языком владеют в той или иной степени совершенства и русским языком. Односторонность обуславливается тем фактом, что русскоязычное население, даже проживавшее в национальных регионах, очень мало осваивало языком других этносов [Там же. С. 225]. Если двухстороннее двуязычие и было распространено, то в определенных условиях (смешанное проживание родственными по языку и культуре этносов).

В постсоветской России языковая политика не была единой, однако, как пишет В.В. Баранова, общий вектор движения прослеживается от поддержки федерализма и предоставления прав соответствующим регионам и языкам в 1990-е гг. в сторону нарастания централизации власти и унификации языковой политики начиная с середины 2000-х гг. [23. С. 31].

В науке происходили такие же процессы, сопровождавшиеся и особенностями развития отдельных научных дисциплин.

В первую очередь наука о народах — советская этнография — во многом обязана американской традиции культурной антропологии, в частности работам Ф. Боаса, для которых главным методом сбора материала была запись текстов на родном языке информантов [24]. Для этнографов овладение языком изучаемого этноса становилось важнейшим средством для того, чтобы «познать саму народность» [25. С. 85], поскольку «без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, и особенно психические стороны ее» останутся для него скрытыми [26. С. VIII]. Эта установка нашла отражение, например, в серии книг «Народы мира», которая издавалась Институтом этнографии Академии наук СССР в период с 1954 по 1966 г.

Но с 1950-х гг. ситуация стала меняться в двух направлениях. Во-первых, советская этнография, как и вся наука, начала пополняться учеными из числа этносов советского государства, в среде которых стала появляться культурная, научная интеллигенция, получившая образование в центрах науки СССР и также начавшая работать в образовательных и научных центрах в своих республиках, краях. Они в том числе исследовали культуру и язык своего этноса, публикуя результаты своей работы на русском и родном языке. Тем самым они и образовали в отечественной науке «внутреннее» направление билингвизма.

Во-вторых, рост числа ученых из самих регионов сделал возможным сдвиг центров исследования культур в сами регионы. К сожалению, исследований языка науки в национальных регионах как СССР, так и России

(статистики публикаций, динамики, сводных данных) мне не удалось найти. Но очевидно одно — перемещение исследований этнических культур и языков в сами республики привело к интересным последствиям, которые в целом образовали социокультурный и организационный фон для работы ученых.

Установки классической этнографии на обязательное овладение языком этноса стали со временем «истончаться». Рост числа билингвов в самом обществе, возможности получения информации не только от населения, но и от коллег — ученых, владеющих языком этноса, появление многочисленных переводных работ, а также определенные ослабления в подготовке специалистов разных гуманитарных специальностей — все это привело к необязательности правила полевой советской, а затем и российской науки учить другие языки.

Эта острая проблема обсуждалась недавно на страницах журнала «Антропологический форум» с участием сразу целого ряда специалистов [27]. По словам, Е.В. Головки, «мало кто из них (этнографов. — К.Л.) пытался хотя бы на практическом уровне освоить язык изучаемого народа. Получение этнографических сведений от информантов на русском языке считалось абсолютно нормальным. Логика была простая: зачем учить язык, если все информанты отлично говорят на русском?» [Там же. С. 27]. Причину он видит в том, что разграничение двух специальностей по изучению языков и культур шло по разным ведомствам.

Если же главные специалисты по изучению этнических культур так относились к языкам культур, то что говорить об установках для представителей новых научных дисциплин, в том числе культурологии.

Дело доходит до крайностей. Несколько лет назад в рукописи статьи молодой русскоязычной ученой, претендующей на вклад в области культурологии, я встретила категорическое утверждение: «Чтобы культура данного этноса была изучена, ее тексты должны быть переведены на русский язык». И речь шла не об актуальности перевода определенных текстов. Автор прямо заявлял, что культура этноса не может быть изучена, если его тексты остаются только на его языке, и поэтому некто (носители, другие ученые?) должен был сделать все, чтобы такие вот «ученые» могли их изучать...

Русскоязычные ученые в своем большинстве не только не овладевают хотя бы одним из языков народов России в повседневной жизни, они этого не делают и в профессиональном плане. И на это их не ориентирует ни общая языковая политика в обществе, ни профессиональная подготовка, ни научная политика страны.

На сегодня в нормативных актах России нет прямого и обязательного требования публикации результатов научных исследований исключительно на каком-либо языке, например, только на государственном — русском языке. Однако в ряде документов содержатся косвенные положения и рекомендации, которые отражают языковую политику в сфере науки и образования. В Феде-

ральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» говорилось о необходимости интеграции в мировое научное сообщество, распространении научных знаний, развитии науки в интересах общества и государства⁹. Эти принципы сохранялись во всех последующих редакциях данного закона. Они подразумевают необходимость публикации прежде всего на иностранных языках (английском). В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 № 273-ФЗ) норма не столь расплывчата: образовательная деятельность осуществляется на русском языке, но для научной деятельности в вузах может использоваться также иностранный язык в рамках международных программ (статья 14)¹⁰. В письмах и рекомендациях Минобрнауки РФ, Российской академии наук и Высшей аттестационной комиссии также нет норм, касающихся языков народов РФ. Например, требований публикаций только на русском языке нет, но часть публикаций должна быть включена в российские рецензируемые издания, большинство из которых выходят на русском языке. Также поощряются публикации в международных рецензируемых журналах на английском языке.

Соответственно, очевидно, что российская наука в главных целях стала ориентироваться на билингвизм, но не «внутренний» российский, а на «внешний» — российский-международный, когда главными считаются русский и английский язык [28]. Причем на этом поле обсуждаются уже проблемы сохранения русского языка науки в условиях доминирования английского языка в мировой науке. Как утверждает психолингвист Н.В. Уфимцева, «мы столкнулись с тем, что даже известные ученые-физики не понимают, что переход научного образования на английский чреват катастрофой для отечественной науки (не будем уже говорить о том, что это пахнет колонизацией)»¹¹. Дискутируются вопросы типа «Есть ли шанс у русского языка в науке?»¹².

В сложившейся ситуации уже практически не слышно голосов «внутренних» билингвов — тех исследователей, для которых важны исследования языков и культур этносов самой России. И не только исследования, но и публикации научных исследований на этих языках как часть работы по сохранению языков и культур.

⁹ Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁰ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.06.2025).

¹¹ Нечипоренко Ю. Внутренняя эмиграция отечественной науки // Свободная пресса. 2019, 22 февраля. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/225547/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹² Публикации на разных языках в индексах цитирования, или Есть ли шанс у русского языка в науке? // Университетская книга. 2018. URL: [https://www.unkniga.ru/kultura/8295-publikatsii-na-raznyh-yazykah-v-indeksah-tsitirovaniya-ili-est-li-shans.html](https://www.unkniga.ru/kultura/8295-publikatsii-na-raznyh-yazykah-v-indeksah-tsitirovaniya-ili-est-li-shans-est-li-shans.html) (дата обращения: 11.06.2025).

Ученые-гуманитарии российских регионов: количество и условия работы

Как уже было сказано, научная интеллигенция из числа национальных кадров стала в целом появляться в середине XX в. (хотя, например, в Татарстане ученые европейского образца работали уже со второй половины XIX в.). Первые защиты кандидатских диссертаций в гуманитарных дисциплинах состоялись 1950–1960-х гг., после чего состав «внутренней» научной интеллигенции в региональных научных организациях стал увеличиваться.

Сколько на сегодня интересующих нас ученых-билингвов? Точно ответить на этот вопрос практически невозможно, поскольку для подобных подсчетов требуется получить и обработать сразу массу данных. Если пересчитать количество региональных центров (подразделений академии наук, отраслевых институтов, региональных университетов) можно, то с подсчетом количества ученых в них сложнее, в том числе выделяя из них исследователей языков и культур по ряду гуманитарных дисциплин. И наконец, пожалуй, совсем неподъемная задача — уточнить их этническую принадлежность, учитывая, что это сведения, находящиеся во внутреннем ведении кадровых служб организаций. Попытки выяснить их по открытым данным, например, по фамилиям в профилях организаций в РИНЦ, могут дать очень искаженную картину, поскольку далеко не всегда фамилия укажет на этническую принадлежность, особенно, например, у якутских исследователей в силу русификации их полных имен. Поэтому мы можем ориентироваться только на приблизительные оценки, которые я попросила сделать наших коллег в региональных научных центрах, причем по разным учреждениям.

Например, по мнению коллеги из Калмыцкого государственного университета, специалисты калмыцкого языка и калмыцкой культуры в данном вузе все — этнические калмыки (100 %). То же самое (100 %) с тувинскими филологами и культурологами (которые занимаются тувинской этнической культурой) в Тувинском государственном университете. Такую же цифру мне назвали коллеги в Кабардино-Балкарском государственном университете. В Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан таких специалистов, по оценкам работающих в нем коллег, примерно 90 %.

Также необходимо добавить, что в 2021 г. я делала официальные запросы в ряд научных организаций в разных регионах страны. Ответы получила только от двух. Руководство Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, например, дало ответ относительно этнического состава сотрудников, согласно которому из 26 научных сотрудников института 20 человек обозначили себя хакасами. Тогда же ответ я получила от руководства

Калмыцкого научного центра РАН: из 55 научных сотрудников 46 человек — калмыки. При этом кадры не соотносили этническую принадлежность сотрудника с его исследовательским полем.

Эти общие показатели говорят нам в любом случае о том, что культуру, а особенно языки этносов России изучают в абсолютном большинстве ученые — сами представители этих же этносов. Можем с известной долей условностью указать на цифру 90 % ученых-билингвов в региональных научных центрах, работающих над изучением и сохранением родных языков и лингвокультур.

Условия профессионального билингвизма для ученых складываются из общей языковой политики в регионе, а также из языковых аспектов научной политики.

Почти в каждой национальной республике есть свой закон о языках, где провозглашаются языковые суверенитеты, гарантии развития языка коренного населения наряду с русским языком. Например, в Республике Саха (Якутия) Закон «О языках» (от 16 октября 1992 г. № 1170-ХП) провозглашает языковой суверенитет народов, гарантирует развитие якутского и русского языков, а также обязует к уважению культурного и языкового разнообразия. Он применяется ко всей сфере, включая научную деятельность и публикации в области культуры (и науки), обеспечивая право издавать труды на родном языке¹³. В Республике Татарстан Закон РТ от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП определяет равноправие татарского и русского языков как государственных. В нем статья 21 напрямую касается науки и утверждает свободный выбор языка научных работ¹⁴. В Кабардино-Балкарии Закон КБР от 16 января 1995 г. № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» гарантирует равноправное развитие и двуязычие: русского, кабардинского и балкарского языков¹⁵. Другой закон региона об образовании (24 апреля 2014 г. № 23-РЗ) регулирует преподавание на кабардинском/балкарском языках, включая создание учебников — предполагает возможность и научных публикаций на этих языках¹⁶. В Республике Хакасия Закон от 20 октября 1992 г. № 11-3 (о языках)

¹³ Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁴ Статья 21. Языки в сфере науки / Закон РТ от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/8102506/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁵ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16 января 1995 г. № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» (принят Советом Республики Парламента Кабардино-Балкарской Республики 28 декабря 1994 г.) (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/30500301/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁶ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 24 апреля 2014 г. № 23-РЗ «Об образовании» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/30523724/> (дата обращения: 11.06.2025).

определяет русский и хакасский как государственные языки, а также гарантирует равноправие других языков народов РФ¹⁷. Также местный закон об образовании в Хакасии (5 июля 2013 г. № 60-ЗРХ) допускает образовательную деятельность на русском и хакасском языках и регулирует использование родного языка, включая разработку учебников¹⁸. В тексте Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия (от 5 апреля 1994 г.) прямо не написано про языки науки, но, как и в других регионах, государственный статус калмыцкого языка предполагает его использование и в научной сфере, особенно при наличии требований к учебной литературе¹⁹. Закон «О языках в Республике Тыва» (31 декабря 2003 г. № 462 ВХ-І, с изм.) закрепляет государственный статус русского и тувинского языка; гарантирует населению поддержку родных языков и право расширения функций тувинского языка в науке²⁰.

Таким образом, языковая политика в регионах России декларирует общую поддержку как государственного русского языка, так и языка коренного этноса. Тем самым билингвам гарантируются права для родного языка, который они изучают. Но гарантии эти распространяются только на сам факт его существования, на возможности изучения, а не на его статус как профессионального языка и даже не как языка образования [29].

Среди прочего потребность публикации результатов своих исследований на родном языке реализуется очень по-разному, в зависимости от возможностей местных властей (региональных заказов, финансовой поддержки) и желания самих авторов. Несмотря на разницу подходов в регионах, общий итог мизерный. Причем настолько, что даже невозможно отследить, найти статистику²¹. Нет общероссийских статистических данных по языковому распреде-

¹⁷ Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. № 11 «О языках народов Республики Хакасия» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/20615069/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁸ Закон Республики Хакасия от 5 июля 2013 г. № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/20546843/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁹ Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_kalmik/chapter/f934319e1320fba1c7c05f76fc27be82/ (дата обращения: 11.06.2025).

²⁰ Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. № 462 ВХ-І «О языках в Республике Тыва» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/28701589/> (дата обращения: 11.06.2025).

²¹ Статистические данные можно посмотреть только по тенденциям книгоиздания и периодики. Как пишут Е.М. Сухорукова, С.А. Карайченцева, К.М. Сухоруков, в постсоветское время количество названий оригинальных, а не переводных книг на национальных языках России выросло на 20–30 %, а в крупнейших субъектах РФ — даже вдвое. Но суммарный тираж этих книг сократился ещё в начале XXI в. в пять и более раз и падение тиражей не прекращается [30. С. 122]. При этом, по мнению А.А. Бурькина, книгоиздание на родных языках свелось в основном к изданию детской литературы [5]. О таком же уязвимом положении периодической печати на языках народов страны пишет М.А. Горячева [31]. В целом, по словам В.В. Барановой, книгоиздание на миноритарных языках рассматривается как убыточное [23. С. 65].

лению научных публикаций (по университетам и научным организациям регионов России), в том числе в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru) и интегрированном в нее Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Языки коренных народов (тувинский, калмыцкий, хакасский, якутский и т. д.) едва задействованы в научных публикациях, и такие материалы обычно публикуются в малотиражных, региональных журналах или сборниках, нередко не индексируемых РИНЦ.

С 2019 г. на базе лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания Российской академии наук был создан интернет-сайт «Малые языки России»²², на котором также среди прочей информации авторы пытались рассматривать вопрос о научных публикациях на конкретных языках. Но и они не приводят никакой статистики, ограничиваясь лишь общими описаниями.

Так, на ресурсе в отношении публикаций на адыгейском языке отмечено, что в научной литературе используется ограниченно, в основном в сфере гуманитарных наук. При этом «определить точное их количество не представляется возможным, поскольку издаются они не только на деньги из бюджета, но и на деньги различных фондов, спонсоров, личные деньги авторов»²³.

«Использование тувинского языка при написании научных трудов тувиноведами практикуется все реже. Поэтому научной литературы на тувинском языке сейчас практически нет. При этом на конференциях регионального республиканского уровня тувинский язык используется докладчиками довольно часто», указано в отношении тувинского языка на сайте²⁴.

В отношении других языков также описания общие:

- «в сфере науки функционируют: русский язык — во всех областях знания; татарский язык — в науках гуманитарного цикла — лингвистика (прежде всего), педагогика, литературоведение, культурология. Издано много словарей — терминологических (по разным отраслям знания), орфографических, двуязычных и др.»²⁵;

- «на якутском языке издано много словарей — терминологических (по разным отраслям знания), орфографических, двуязычных и др.»²⁶

В НЭБ-РИНЦ можно фильтровать материалы по типу — статья в журнале, диссертация и пр., но нет фильтра по языку публикации, в т. ч. для языков

²² Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. Главная страница // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/> (дата обращения: 11.06.2025).

²³ Адыгейский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/adygeyskiy-yazyk> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁴ Тувинский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/tuvinskiy-yazyk> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁵ Татарский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/tatarskiy-yazyk> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁶ Якутский язык // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/yakutskiy> (дата обращения: 11.06.2025).

народов России. Тем не менее при экспорте метаданных издатели в РИНЦ отмечают язык публикации. Поэтому я отдельно запросила в РИНЦ статистику публикаций за 2000–2025 г. и получила ее.

Интересно посмотреть на динамику публикаций по отдельным языкам этносов России на фоне показателей публикаций на русском языке (таблица). Чтобы не перегружать таблицу, я ограничилась показателями каждые пять лет; последний год указан 2024-й, поскольку далеко не все публикации загружены в базу за 2025 г.

**Количество публикаций на русском и некоторых языках этносов России
в РИНЦ в 2000, 2005, 2010, 2015, 2020 и 2024 гг. /
Number of publications in Russian and some ethnic languages of Russia
in the RSCI in 2000, 2005, 2010, 2015, 2020 and 2024**

Язык / Language	Год публикации / Year of Publication					
	2000	2005	2010	2015	2020	2024
Русский / Russian	175.457	590.372	732.762	1.268.089	1.356.858	1.432.806
Калмыцкий / Kalmyk	1	5	8	16	9	2
Удмуртский / Udmurt	18	10	5	15	28	21
Татарский / Tatar	6	27	29	185	405	595
Якутский / Yakut	11	11	15	11	157	124
Осетинский / Ossetian	4	7	23	7	—*	2
Мордовский / Mordvin	9	8	23	15	10	33
Хакасский / Khakassian	1	1	1	1	3	—**
Кабардино-черкесский / Kabardino-Circassian	1	—	1	5	17	18
Чувашский / Chuvash	4	7	17	70	20	49
Карачаево-балкарский / Karachay-Balkar	—	—	—	4	10	8
Башкирский / Bashkir	46	91	165	385	487	643
Тувинский / Tuvan	—	—	2	—	4	3

*) 15 публикаций — в 2019 г.

**) 7 публикаций — в 2023 г.

И с т о ч н и к: составлено Ч.К. Ламажаа на основе статистических данных по количеству публикаций базы данных Российского индекса научного цитирования, полученных в ответ на запрос автора от 15.06.2025 г.

S o u r c e: compiled by Ch.K. Lamajaa. It is based on statistical data on the number of publications in the Russian Science Citation Index database, received in response to the author's request dated 15.06.2025

Как мы видим, количество публикаций на русском языке растет в геометрической прогрессии: с 175,5 тыс. в 2000 г. до 1,4 млн — в 2024 г. На этом фоне показатели по отдельным языкам народов России выглядят совершенно мизерно. Есть некоторый абсолютный рост публикаций на башкирском и

татарском языке: соответственно 46 и 6 в 2020 г., 643 и 595 — в 2024 г., однако, как мы понимаем, это все равно очень и очень скромные цифры.

Так, можно сказать, что языки этносов России остались в поле изучения практически только носителей этих языков, причем в очень ограниченном виде, как объект академического интереса, причем сама профессиональная работа ведется практически на русском языке.

Проблемы российской лингвокультурологии

Вся эта ситуация и условия, описанные выше, стали прямо отражаться на изучении лингвокультур народов России, которые с рубежа 1960–1970-х гг. стали центром внимания российской лингвокультурологии, развившейся на идее изучения культуры через язык [21. С. 27; 32. С. 8]. При этом суть научной дисциплины определяется как «определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [21. С. 8], как «целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков...» [20. С. 4]. При всех различиях определения дисциплины главным остается тот факт, что во главе угла исследователей находится язык. И концепт специалистами однозначно понимается в первую очередь как языковой термин — термин конкретного языка, выражающий определенную культурную информацию [19].

Однако в российской науке, в которой, как уже было показано, языки и культуры российских этносов оказались в центре внимания только ученых-билингвов из числа представителей самих этносов, сложилась парадоксальная ситуация. *Факультативность образования на родных языках, ограниченные сферы их использования (в том числе необязательность в профессиональной, научной сфере), фактическое уменьшение их социальной значимости (несмотря на все декларации региональных властей), привели к тому, что языки вместе с этническими культурами стали размываться и как объекты профессионального изучения.* Ученые, находясь в условиях ежедневной ленты Мебиуса с переключением с языка общения, языка изучения на профессиональный язык, впадают в терминологические ловушки. И в итоге трактуют (анализируют, обдумывают, описывают) собственную культуру средствами другого языка.

Рассмотрим примеры²⁷. В них можно увидеть разные степени терминологических ловушек: потерь, размывания объекта исследования, а также трактовок концепта.

²⁷ При всем уважении к авторам и к их трудам, важным для каждой культуры, примеры приводятся в произвольном порядке, т. е. найдены и выбраны случайно из списков публикаций в РИНЦ.

В одном диссертационном исследовании соискателя степени кандидата филологических наук анализировался башкирский народный эпос «Урал-Батыр». В том числе рассматриваются такие «базовые концепты эпоса», как «Душа, Сердце, Кровь, базовые оппозиции культуры и языка, такие как Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Человек и Природа и т. д.»²⁸. Автор пишет: «Особо актуальными для мифологического сознания башкир являются такие базовые концепты архетипического характера, как время и пространство, жизнь и смерть, добро и зло, душа, сердце, кровь»²⁹, и тут же выделяет башкирский концепт *якшылык* ‘добро’, которое «коррелирует с такими чертами национального характера башкир, как *батырлык*, *ирлек* “мужественность”, жертвование своей жизнью ради жизни на Земле, совершение блага во имя народа, честь, честность, скромность, долг, сыновья почтительность, гуманность»³⁰. Тем самым исследователь концептами называет и универсалии, категории культур, и сами концепты, нивелируя специфику последних, ставя этнокультурные категории культуры равнозначными универсальным, тем, что есть в других культурах. Этот же подход перенесен в монографию автора [33].

Также нередко рассматривается концепт «Родина» (именно в русской терминологии) в той или иной культуре, например монгольской [34].

Еще в одной публикации разбирается концепт «Бога» в традиционной культуре осетин [35]. Как пишет сам автор и как известно, традиционная религиозная система осетин представляет собой синтез древнеаланского язычества, скифо-сарматских верований и христианских влияний; в ней верховный бог называется *Хуыцау*. Не останавливаясь на нюансах, разбираемых в работе, в том числе не будучи специалистом в этих вопросах, обращаю внимание на смешение терминологии на протяжении всей работы. Автор, углубляясь в вопросы лексикографии, этимологии лексем, периодически подчеркивает, что речь идет об «осетинском концепте Бога». То есть этноспецифический концепт, имеющий за собой богатую историю, все время методологически уравнивается с русским концептом Бога, имя которого имеет и свою этимологию, а история значения пронизывает всю историю и культуру русского этноса.

Очевидно, что авторы подобных работ упускают из виду очень важную методологическую проблему, которая при должном внимании может сделать исследование по-настоящему богатым, поскольку, «владея типовым способом осмысления действительности речевыми средствами первичной языковой культуры, при изучении второго языка личность овладевает типовым способом осмысления действительности, выработавшимся в сознании другого народа, что позволяет ей познать особенности смысловой схемы типовых

²⁸ См.: Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. С. 6.

²⁹ Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. С. 9.

³⁰ Там же.

высказываний на приобретенном языке и сравнивать их» [16. С. 30]. Но для того, чтобы обернуть свою билингвальность в плюс, необходима научная дисциплина и осознанная методологическая честность. В противном случае билингвальность вкупе с формальным подходом к основаниям исследований концептуальных оснований культур оборачивается потерями, заменами.

Ряд подобных работ можно расценивать лишь как методологически мало проработанные или ориентированные на градацию концептов. Однако следует подчеркнуть, что в последние годы идет явно вал подобных публикаций, в том числе таких, в которых авторы даже не рефлексируют над применением термина «концепт». Более того, такая тенденция захлестывает и русскоязычную часть науки в постсоветских странах³¹. Сами русскоязычные авторы рассматривают русские термины как концепты зарубежных культур³², зарубежные учащиеся российских научных центров следуют их примеру, разбирая концепты своей культуры языковыми средствами русского языка [36 и др.]. Дело дошло до того, что концепты стали трактоваться как универсалии культур³³, как общечеловеческие концепты [37], в том числе как концепты российской цивилизации для традиционной культуры ее народов³⁴.

Соответственно, вместо углубленного изучения концептов культур этносов России, которые по языковому признаку могут относиться к самым раз-

³¹ *Дербишева З.К.* Этноментальная специфика концептуализации // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У.М. Бахтикиреева и др. Москва : РУДН, 2016. С. 440–444.

³² *Адомина И.В.* Концепт успех в современной американской речевой культуре : дис. ... канд. филол. н. Хабаровск, 2005; *Чибисова О.В., Товбаз А.А.* Концепт «удача» в русской и китайской культурах // *Общественные науки*. 2012. № 1. С. 56–65; *Белякова А.А.* Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре : дис. ... канд. филол. н. М., 2004; *Марушкина Н.С.* Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культ. Иваново, 2014 и др.

³³ См., например: *Исина Г.И.* Универсальные концепты в контексте национальных культур // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2012. № 8. С. 145–147; *Гудзовская В.В.* Особенности репрезентации концепта «женщина» в разноязычных культурах // *Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сборник статей по материалам LXXVII студенческой международной научно-практической конференции*, Новосибирск, 20 мая 2019 года. Т. 5 (77). Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2019. С. 50–55; *Дьяченко А.С.* Изучение концепта «патриотизм» в различных культурах, как средство патриотического воспитания студентов-лингвистов // *Вестник университета*. 2012. № 18. С. 246–249; *Лысенко Н.К.* Концепт «чай» в различных национальных культурах мира: Казахстан, Россия, Великобритания // *Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества* / отв. ред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 161–169; и мн. др.

³⁴ *Панищев А.Л.* Концепты Российской цивилизации в традиционной культуре её народов // *Новый ориентир регионального развития — встраивание в Еразийскую экономическую перспективу : материалы XVIII Международной научно-практической конференции*, Ставрополь, 08–09 февраля 2024 года. Ставрополь : Институт дружбы народов Кавказа, 2024. С. 222–227.

ным культурным мирам, в российской науке стали распространены³⁵ сопоставительные исследования русской лингвокультуры с лингвокультурами народов России. И хотя в этом, разумеется, нет ничего предосудительного, тем более что такие исследования поддерживаются государственными программами, нередко они довольно поверхностны, поскольку не учитывают существенную разницу архаических основ культур Евразии [32. С. 8–12].

Меня же среди всего прочего волнует тот факт, что на волне всеобщего интереса к концептам, концептологическим исследованиям языков и культур, причем в таком искаженном понимании концептов, ученые-билингвы сами нивелируют свои культуры, тем самым участвуя уже со своей стороны в общих языковых процессах снижения значимости языков и культур России. Также изучение лингвокультур языковыми средствами русского языка (а именно в этом направлении и стала практически стихийно развиваться отечественная лингвокультурология, подпитываемая трудами филологов) приводит к тому, что вне поля внимания науки остаются такие культурные явления, которые не имеют названия в русском языке или теряют свой концептуальный смысл в переводе. Так, например, мы показали, что в результате прямого перевода тувинского термина-обращения *башкы* на русский термин ‘учитель’ наука (тувиноведение) много десятилетий не замечала интереснейшей традиции [39]. Речь идет о традиции обращения к наставнику (в самом широком смысле слова), признания его авторитета и подчинения ему, этимология термина которого (*башкы*) указывает на многовековую связь с китайско-буддийскими истоками и которая выходит далеко за рамки только общения ученика и учителя.

Можно ли считать сложившуюся ситуацию только результатом языковых процессов в стране и проблемного развития научной дисциплины?

Здесь необходимо вспомнить о том, что акцент на субъективность ученых, их языковую и культурную идентичность не может обойтись без учета исследований многоязычия и его влияния на когнитивные функции [40–43]. Многоязычие, билингвизм обычно расцениваются очень высоко [44; 45 и др.]. И к тому же сама постановка вопроса о когнитивных способностях моих коллег практически не поднимается в науке, поскольку речь идет об ученых, работающих в регионах и в силу традиционности сообществ часто с получением научной степени занимающих высокое социальное положение, авторитет и прочие привилегии. Это практически табуированная тема.

Однако упомяну о двух смежных направлениях исследований, которые позволят осознать сложность проблемы безотносительно оценки когнитивных способностей личностей.

³⁵ Разумеется, справедливости ради необходимо также сказать и о том, что перекося и поверхностность анализа демонстрируют далеко не все авторы — российские ученые. Более вдумчивые авторы, исследователи остаются на позициях, сформулированных С.А. Аскольдовым (С.А. Алексеевым) [38], Д.С. Лихачевым [1].

Во-первых, в зарубежной психологии есть исследования того, как социальный контекст использования языков влияет на когнитивную гибкость билингвов. Например, Дж. Гуллифер и Д. Титоне предлагают инновационный показатель — языковую энтропию (*language entropy*), который количественно оценивает баланс использования языков в разных социальных контекстах (дом, работа, общение) [46]. Авторы отмечают разные уровни энтропии (высокий, низкий), которые непосредственно влияют на качество билингвизма. О том, что познавательная деятельность билингвов носит более сложный характер, чем у моноязычной личности, а также от зависимости билингва от социокультурных факторов, пишут и российские авторы [47]. Для нашего случая было бы интересно исследование социального фона работы билингвов в профессиональной сфере, а также условий формирования отрицательного билингвизма, при котором знание второго языка отрицательно сказывается на владении родным языком [48. С. 87].

Во-вторых, как уже было сказано, сама суть проблемы заключается в достаточно исследованном в науке феномене языковой интерференции. При этом важно, что работы основоположников данного направления и их последователей [17; 49; 50 и др.] также подчеркивают важность экстралингвистических факторов (психологического и социального). Правда, в основном авторы рассматривают проблему переноса норм родного языка на иностранный (второй). Очевидно, что в нашем случае мы видим нерелефлексивный обратный процесс — отрицательную интерференцию. Именно она демонстрируется исследованиями типа концепта «Родина» в монгольской культуре или изучением концепта «дом» в кочевых культурах.

Тем самым подчеркну, что российская лингвокультурология приобрела целое направление проблемного развития, обусловленное как языковой политикой, так и тем, как стали восприниматься нерусские языки и культуры страны.

Заключение

Итак, на сегодня в российской науке о языках и исследованиях культур сквозь призму языков сложилась парадоксальная ситуация, когда работа ученых осложнена целым клубком проблем: языковой политикой в стране и регионах, особой формой российского билингвизма, когда значение родных языков падает, в том числе в профессиональной сфере для изучающих их ученых.

Поэтому ученые-инсайдеры (внутренние ученые, представители самих этносов) не могут претендовать на то, чтобы быть выразителями и исследователями своей культуры, они скорее являются посредниками, проводниками между ней и иноязычной наукой.

Стремясь работать на втором языке для себя, но первом государственном и профессиональном — русском — языке, ученые-билингвы, представители

многих этносов страны, начинают массово трактовать свою лингвокультуру терминами профессионального языка. И при этом, относясь дежурно к методологическим основаниям исследования, нередко теряют свой объект исследования.

Кроме того, я далека от мысли, что языки и лингвокультуры этносов страны столь глубоко изучены, чтобы можно было пренебрегать мнением крупного специалиста в области общего и русского языкознания, основоположника лингвистической методики преподавания языков Л.В. Щербы.

Утери объектов исследования — уникальных концептов этнических культур, монолингвильность концептологических исследований прямо противоречат тем задачам, которые провозглашаются самими же «лингвокультурологами» — фиксировать, изучать и сохранять языки и культуры народов России.

Список литературы

1. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
2. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва : Языки славянской культуры, 2007. 246 с. ISBN: 5-9551-0205-1 EDN: SUQHZX
3. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты : лингвистическая проблематика. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972. 80 с.
4. *Бурыкин А.А.* Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие (язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте) // Новое в изучении и преподавании русского языка / отв. ред. В. Г. Костомаров. Т. 5. Москва : Изд-во Московского университета, 2004. 528 с. С. 109–122.
5. *Бурыкин А.А.* Языки коренных народов Севера: 40 лет вызовов и ответов. Проблемы сохранения языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: современный взгляд // Этнокультурное пространство Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития : материалы межрегиональной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 29 марта 2019 г. / отв. ред. А.Г. Киселев и др. Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. 137 с. С. 30–53. EDN: PNMTGU
6. *Михальченко В.Ю.* Тенденции развития языковой ситуации в Российской Федерации // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия-Вьетнам / отв. ред. А.Н. Биткеева и др. Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2020. 704 с. С. 73–88.
7. *Биткеева А.Н.* Принципы языковой политики в Российской Федерации // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия-Вьетнам / ред. А.Н. Биткеева и др. Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2020. 704 с. С. 95–109. EDN: NSTSQO
8. *Павлова А.В.* Лингвокультурология в России: «за» и «против» // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. Vol. 6. No. 2. С. 201–221. EDN: NNPVRT
9. *Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. Москва : Просвещение, 1968. 312 с.
10. *Галстян А. П.* Некоторые аспекты армяно-русского двуязычия (по материалам этносоциологического обследования населения Еревана) // Этнографическое обозрение. 1987. № 6. С. 81–91.
11. *Майоров А.П.* Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве. Уфа : б. и., 1997. 137 с.

12. Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия : материалы Межд. научно-практической конф. 27–28 мая 2009 г. / отв. ред. М.А. Магомедов. Махачкала : б. и., 2009. 520 с.
13. Путь в язык : одноязычие и двуязычие : сборник статей / отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. Москва : Языки славянских культур, 2011. 320 с.
14. Актуальные проблемы билингвизма и диалог культур (в аспекте взаимодействия русского языка с языками Центральной Азии) : материалы межд науч. конф., приуроченной к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Кыргызской Республики, д-ра филол. наук, проф. А.О. Орусбаева / отв. ред. О.Л. Сумарокова. Бишкек : Изд-во КРСУ, 2022. 282 с.
15. *Рогозная Н.Н.* Языковые контакты: билингвизм, интерязык, интерференция. 2-е изд. Москва : Флинта, 2022. 200 с. ISBN: 978-5-98269-274-0 EDN: FGDWTA
16. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. 259 с. ISBN: 9965-513-82-1 EDN: QUTUFT
17. *Weinreich U.* Languages in Contact. The Hague : Mouton, 1968. 152 p.
18. *Валеева Н.Г.* Билингвизм и интерференция при опосредованной коммуникации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2008. № 5. С. 17–23. EDN: VNYXIF
19. *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford: Oxford University Press. 1996. xii, 500 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198700029.001.0001>
20. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Москва : РУДН, 2006. 330 с.
21. *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие. Москва : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с. ISBN 5-7695-0745-4 EDN: UKCOEJ
22. *Грэхэм Л.Р.* Очерки истории российской и советской науки. Москва : Янус-К, 1998. 321 с.
23. *Баранова В.В.* Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 238 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7> ISBN 978-5-7598-2580-7 EDN: VZEKYX
24. *Арзютов Д.В., Кан С.А.* Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68. EDN: RTQBSN
25. *Богораз В.Г.* Л.Я. Штернберг как фольклорист // Памяти Л. Я. Штернберга: 1861–1927 : сборник статей / ред. изд. С. Ф. Ольденбург и А. Н. Самойлович. Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. 176 с. С. 85–96.
26. *Штернберг Л.Я.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1908. Т. 1. 232 с.
27. Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 12–189. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189>
28. *Shpit E. I., McCarthy P. M.* Addressing discourse differences in the writing of Russian engineering students and international researchers // Language Teaching Research. 2022. Vol. 29. No. 5. P. 1889–1922. <https://doi.org/10.1177/13621688221109809> EDN: PKUNIM
29. *Башиева С. К., Кремиокалова М. Ч., Шонтукова И. В.* Русский язык в этнорегиональной полилингвальной среде // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 122–126. EDN: YHQCEB
30. *Сухорукова Е.М., Карайченцева С.А., Сухоруков К.М.* Книгоиздание на языках народов России: проблемы и перспективы (на основе статистики за 2019–2023 гг.) // Научные и технические библиотеки. 2024. № 8. С. 118–131. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-8-118-131> EDN: LMSGIV
31. *Горячева М.А.* Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970–2021) // Социоллингвистика. 2022. № 4 (12). С. 45–70. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-45-70> EDN: DHMHBO
32. *Ламажаа Ч.К.* Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 6–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1> EDN: ECYELK

33. Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр» : когнитивно-дискурсивый и концептуальный анализ. Уфа : Вагант, 2010. 352 с.
34. Белокурова С.М., Мушников Е.А. Концепт «Родина» в монгольской лингвокультуре: ретроспективный анализ // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6. С. 462–464. EDN: GWQXFZ
35. Салбиев Т.К. Концепт «Бога» в традиционной культуре осетин // Вестник Института цивилизации. 2014. № 8. С. 113–142. EDN: TWSMSF
36. Ма Л., Ло С. Концепт «Домашний гусь» в китайской культуре // Вопросы гуманитарных наук. 2018. № 3 (96). С. 135–138. EDN: XTBXVB
37. Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 280 с.
38. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. Москва : Academia, 1997. 320 с. С. 267–279.
39. Ламажаа Ч.К., Кауржанова А.Т. *Байкы: обращение, наставничество и социальные отношения* // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 5–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1> EDN: SGVNRX
40. Paradis M. The Neurofunctional components of the bilingual cognitive system // Cognitive Aspects of Bilingualism / I. Kecskes, L. Albertazzi (eds.). Springer : Dordrecht, 2007. P. 3–28. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3_1
41. Cognitive Aspects of Bilingualism / I. Kecskes, L. Albertazzi (eds.). Springer, 2007. 368 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3>
42. Cantone K.F. Code-switching in Bilingual Children (Studies in Theoretical Psycholinguistics). Springer, 2007. 291 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5784-7>
43. Bobb Sc., Hoshino N. Fusing languages in the bilingual cognitive architecture // Bilingualism: Language and Cognition. 2016. Vol. 19. No. 5. P. 879–880. <https://doi.org/10.1017/S1366728916000109>
44. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А., Вахницкая О.В. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. 2019. Серия 14. Психология. № 1. С. 174–194. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.174> EDN: YYWKEN
45. Малышева Н.С. Влияние многоязычия на когнитивные процессы // Трансфер понятий и культурный трансфер: практики перевода в межкультурной коммуникации / отв. ред. Т.А. Шарыпина, М.К. Меньшикова. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. 535 с. С. 518–523. EDN: EHBMUD
46. Gullifer J.W., Titone D. Characterizing the Social Diversity of Bilingualism Using Language Entropy // Bilingualism: Language and Cognition. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 283–294. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000026>
47. Башиева С.К. Формирование билингвальной личности как сложный когнитивный процесс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 150–156. EDN: OWMYQP
48. Коновалова Н.И., Мурадян Д.Г. Проблемы изучения речевой деятельности билингвов в свете современной языковой ситуации // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 80–88. EDN: PUWYKX
49. Haugen E.I. The Norwegian language in America; a study in bilingual behavior. Indiana U. P., 1969. 699 p.
50. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1974. С. 313–318.

References

1. Likhachev, D.S. 1993. “The conceptual sphere of the Russian language.” *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*. Vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.).

2. Stepanov, Yu.S. 2007. *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 246 p. (In Russ.). ISBN 5-9551-0205-1 EDN: SUQHZX
3. Rozenzweig, V.Y. 1972. *Language contacts: Linguistic problems*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Branch. 80 p. (In Russ.).
4. Burykin, A.A. 2004. Mentality, linguistic behavior and national-Russian bilingualism (the minority language as a “secret language” in the domestic socio-cultural context). In: *New in the study and teaching of the Russian language* / Edited by V.G. Kostomarov. Vol. 5. Moscow: Moscow University Press. pp. 109–122. (In Russ.).
5. Burykin, A.A. 2019. Languages of the indigenous peoples of the North: 40 years of challenges and answers. Problems of preserving the languages of the small-numbered peoples of the North, Siberia and the Russian Far East: A modern look. In: *The ethnocultural space of Ugra: project implementation experience and development prospects: proceedings of the interregional scientific and practical conference, Khanty-Mansiysk, March 29, 2019* / Edited by A. G. Kiselyov et al. Khanty-Mansiysk, OOO “Printing World of Khanty-Mansiysk”. 137 p., pp. 30–53. (In Russ.). EDN: PNMTGU
6. Mikhalchenko, V.Y. 2020. Trends in the development of the linguistic situation in the Russian Federation. In: *Patterns of socio-cultural development of languages in multiethnic countries of the world: Russia-Vietnam* / ed. by A.N. Bitkeeva et al. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, pp. 73–88. (In Russ.).
7. Bitkeeva, A.N. 2020. Principles of language policy in the Russian Federation. In: *Patterns of socio-cultural development of languages in multiethnic countries of the world: Russia-Vietnam* / ed. by A.N. Bitkeeva et al. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, pp. 95–109. (In Russ.). EDN: NSTSQO
8. Pavlova, A.V. 2015. Linguoculturology in Russia: pro and contra. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 6, no. 2, pp. 201–221. (In Russ.). EDN: NNPVRT
9. Desheriev, Yu.D., and I.F. Protchenko. 1968. *The development of the languages of the peoples of the USSR in the Soviet era*. Moscow: Prosveshchenie, 312 p. (In Russ.).
10. Galstyan, A.P. 1987. Some aspects of Armenian-Russian bilingualism (based on the materials of the ethnosociological survey of the population of Yerevan). *Ethnographic Review*, no. 6, pp. 81–91. (In Russ.).
11. Mayorov, A.P. 1997. *Social aspects of language interaction in the bilingual communicative space*. Ufa, s. n. (In Russ.).
12. *Theoretical and methodological problems of national-Russian bilingualism: proceedings of the International Scientific and Practical Conference. May 27–28, 2009*. 2009 / Edited by M.A. Magomedov. Makhachkala, s. n. (In Russ.).
13. *The path to language: Monolingualism and bilingualism*. 2011: a collection of articles / Edited by S.N. Tseitlin, and Eliseeva M.B. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 320 p. (In Russ.).
14. *Current problems of bilingualism and dialogue of cultures (in the aspect of interaction of the Russian language with the languages of Central Asia)*. 2022: Materials of the international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of the Honored Scientist of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology, Professor A.O. Orusbaev / Edited by O.L. Sumarokov. Bishkek: KRSU Publishing House, 282 p. (In Russ.).
15. Rogoznaya, N.N. 2022. *Language contacts: bilingualism, inter-language, interference*. 2nd ed. Moscow, Flint. 200 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-98269-274-0 EDN: FGDWTA
16. Bakhtikireeva, U.M. 2009. *Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin)*. Astana: Publishing house “CBO and MI,” 259 p. (In Russ.). ISBN 9965-513-82-1 EDN: QUTUFT
17. Weinreich, U. 1968. *Languages in Contact*. The Hague: Mouton. 152 p.
18. Valeeva, N.G. 2008. Bilingualism and interference in mediated communication. *Polylinguality and transcultural practices*, no. 5, pp. 17–23. EDN: VNYXIF

19. Wierzbicka, A. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press. xii, 500 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198700029.001.0001>
20. Vorobyov, V.V. 2006. *Linguoculturology*. Moscow: RUDN University. 330 p. (In Russ.).
21. Maslova, V.A. 2001. *Linguoculturology: textbook. the manual*. Moscow: Publishing center "Academy." 208 p. (In Russ.). ISBN: 5-7695-0745-4 EDN: UKCOEJ
22. Graham, L.R. 1998. *Essays on the history of Russian and Soviet science*. Moscow: Janus-K. 321 p. (In Russ.).
23. Baranova, V.V. 2023. *Language policy without politicians: linguistic activism and minority languages in Russia*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics. 238 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2580-7> ISBN: 978-5-7598-2580-7 EDN: VZEKYX
24. Arzyutov, D.V., and S.A. Kan. 2013. The concept of the field and field work in early Soviet ethnography. *Ethnographic review*, no. 6, pp. 45–68. (In Russ.). EDN: RTQBSN
25. Bogoraz, V.G. 1930. L. Ya. Sternberg as a folklorist. In: *In memory of L. Ya. Sternberg: 1861–1927: collection of articles / ed. by S.F. Oldenburg and A.N. Samoylovich*. Leningrad: Akademia nauk USSR Publ., pp. 85–96. (In Russ.).
26. Sternberg, L.Ya. 1908. *Materials on the study of the Gilyat language and folklore, collected and processed by L.Ya. Sternberg*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, vol. 1, 232 p. (In Russ.).
27. Linguistic Anthropology. 2023. *Antropologicheskij forum*, no. 58, pp. 12–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189>
28. Shpit, E.I., and P.M. McCarthy, 2022. Addressing discourse differences in the writing of Russian engineering students and international researchers. *Language Teaching Research*, vol. 29 (5), pp. 1889–1922. <https://doi.org/10.1177/13621688221109809> EDN: PKUNIM
29. Bashieva, S.K., M.Ch. Kremshokalova, and I.V. Shontukova. 2017. The Russian language in an ethnoregional multilingual environment. *Higher education in Russia*, no. 3, pp. 122–126. EDN: YHQCEB
30. Sukhorukova, E.M., S.A. Karaychentseva, and K.M. Sukhorukov, 2024. Book publishing in the languages of the peoples of Russia: The problems and perspectives on the basis of 2019–2023 statistics. *Scientific and Technical Libraries*, no. 8, pp. 118–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-8-118-131> EDN: LMSGIV
31. Goryacheva, M.A. 2022. Dynamics of periodicals in Russian and the republican state languages of the peoples of the Russian Federation (1970–2021). *Sociolinguistics*, no. 4 (12), pp. 45–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-45-70> EDN: DHMHBO
32. Lamazhaa, Ch.K. 2023. Concepts of Culture: Form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1> EDN: ECYELK
33. Bukharova, G.H. 2010. *Bashkir folk epic "Ural-Batyr: " cognitive-discursive and conceptual analysis*. Ufa: Vagant. 352 p. (In Russ.)
34. Belokurova, S.M., and E.A. Mushnikova. 2017. The concept of "Rodina" in Mongolian linguoculture: a retrospective analysis. *The world of science, culture, and education*, no. 6, pp. 462–464. (In Russ.) EDN: GWQXFZ
35. Salbiev, T.K. 2014. The concept of "Boga" in the traditional culture of Ossetians. *Bulletin of the Institute of Civilization*, no. 8, pp. 113–142. (In Russ.) EDN: TWSMSF
36. Ma, L., and S. Lo. 2018. "The concept of "Domashnyi gus"" in Chinese culture." *Questions of the Humanities*, no. 3(96), pp. 135–138. (In Russ.) EDN: XTBXVB
37. Koshelev, A.D. 2015. *Cognitive analysis of universal concepts*. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia. 280 p. (In Russ.)
38. Askoldov, S.A. 1997. Concept and word. In: *Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text: an anthology / Edited by V.P. Neroznak*. Moscow: Academia. 320 p., pp. 267–279. (In Russ.)
39. Lamazhaa, Ch.K., and A.T. Kairzhanova. 2025. Bashky: addressing, mentoring, and social relations. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1> EDN: SGVNRX

40. Paradis, M. 2007. The Neurofunctional components of the bilingual cognitive system. In: *Cognitive Aspects of Bilingualism*. Edited by I. Kecskes and L. Albertazzi. Springer, Dordrecht, pp. 3–28. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3_1
41. Kecskes, I., and L. Albertazzi. 2007. *Cognitive Aspects of Bilingualism*. Springer, 368 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5935-3>
42. Cantone, K.F. 2007. *Code-switching in Bilingual Children (Studies in Theoretical Psycholinguistics)*. Springer. 291 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5784-7>
43. Bobb, Sc., and N. Hoshino. 2016. Fusing languages in the bilingual cognitive architecture. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 19(5), pp. 879–880. <https://doi.org/10.1017/S1366728916000109>
44. Zinchenko, Yu.P., L.A. Shaigerova, A.G. Dolgikh, O.A. Savelyeva, and O.V. Vakhnitskaya, 2019. Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethno-cultural identity. *Bulletin of the Moscow University*, Episode 14. Psychology, no. 1, pp. 174–194. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.174> EDN: YYWKEH
45. Malysheva, N.S. 2024. The influence of multilingualism on cognitive processes. In: *Transfer of concepts and cultural transfer: translation practices in intercultural communication* / Edited by T.A. Sharypin, M.K. Menshikov. Nizhny Novgorod, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. 535 p., pp. 518–523. (In Russ.). EDN: EHBUMUD
46. Gullifer, J.W., and D. Titone. 2020. Characterizing the Social Diversity of Bilingualism Using Language Entropy. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 23(2), pp. 283–294. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000026>
47. Bashieva, S.K. 2014. The formation of a bilingual personality as a complex cognitive process. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, no. 16, pp. 150–156. (In Russ.). EDN: OWMYQP
48. Konovalova, N.I., and D.G. Muradyan. 2010. Problems of studying the speech activity of bilinguals in the light of the modern linguistic situation. *Linguoculturology*, no. 4, pp. 80–88. (In Russ.). EDN: PUWYKX
49. Haugen, E.I. 1969. *The Norwegian language in America; a study in bilingual behavior*. Indiana U.P., 699 p.
50. Shcherba, L.V. 1974. On the issue of bilingualism. In: Shcherba L.V. *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka Publishing House, Leningrad Branch, pp. 313–318. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ламажжа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета, Российская Федерация, г. Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, д. 173; главный научный сотрудник Института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. ORCID: 0000-0003-1813-3605. E-mail: lamazhaa@gmail.com

Bio note:

Chimiza Kuder-oolovna Lamazhaa is a Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University, 173 Chernyshevsky St, Nalchik, 360004, Russian Federation; Chief Researcher, Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University, 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-1813-3605. E-mail: lamazhaa@gmail.com